
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

ЕСТЬ ЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ У ЖИВОТНЫХ?

Аннотация. Вопрос о том, если у животных бессознательное, кажется не допускающим отрицательного ответа. Однако понимание данной проблемы обязывает к тому, чтобы рассмотреть, с одной стороны, процессы domestikфикации животных, их приручения, а с другой стороны, подвергнуть анализу те процессы, которые происходят сейчас в существовании живых особей в целом. Традиционные демаркации между животными и людьми подвергаются в статье переосмыслению. Если в начале минувшего века психиатры и философы считали, что психозы, серьёзные невротические нарушения не свойственны животным, а являются привилегией человека, то век спустя получен обширный материал, который свидетельствует о глубокой и разносторонней невротизация животных.

В статье использованы методы психологического и психиатрического анализа процессов, которые происходят в наши дни в царстве домашних животных. Показано, что каноны зоопсихологии замещаются сегодня зоопсихиатрией. Меняются, следовательно, приёмы и методы толкования традиционных вопросов сознания и бессознательного.

Новизна статьи обусловлена тем, что возникла возможность совместить экспериментальные данные зоопсихологии с результатами психологических исследований человеческого общества. Жизнь животных и людей рассматривалась традиционно отдельно. Никому, к примеру, не приходило в голову переносить законы человеческого существования на животную общность. Не практиковалось также проецирование сведений о животных скоплениях на человеческое поведение. Между тем Ж. Бодрийяр показал, что такое наложение двух систем представлений не только специфично, но и в крайней мере значимо. Наблюдая невротизацию домашних животных, мы видим, что сходные процессы происходят также и в людских коллективах. Так открывается новое поле исследований феномена психики.

Ключевые слова: психология, биология, милосердие, мораль, инстинкт, бессознательное, зоопсихология, психика, территория, человек.

Abstract. The question whether animals have the unconscious does not seem to admit a negative answer. But understanding of this problem necessitates, on the one hand, consideration of the processes of domestication of animals, their taming, and on the other hand, analysis of the processes that go on now in the life of living beings in general. The article reinterprets the traditional demarcations between animals and people. While in the beginning of the past century psychiatrists and philosophers believed that psychoses, serious neurotic disorders are not characteristic for animals but are a human "privilege", in the beginning of this century we obtained extensive material indicative of deep and versatile neurotization of animals.

The article uses methods of psychological and psychiatric analysis of the processes going on nowadays in the realm of domestic animals. As has been shown, the canons of zoopsychology are now replaced by zoopsychiatry. Therefore, the methods and techniques of interpreting traditional problems of the mind and the unconscious change, too.

The novelty of the article is in the fact that there is a possibility of combining experimental data of zoopsychology and the findings of psychological studies of human society. Traditionally, the life of animals and humans has been viewed separately. For instance, nobody could think of transferring the laws of human existence into animal communities. Neither was practiced the projection of knowledge about animal communities onto human behaviour. Meanwhile, J. Baudrillard has shown that such superposition of the two systems is not only specific but also extremely significant. Observing neurotization of domestic animals, we can see that similar processes take place also in human communities. Thus opens up a new field of research into mental phenomena.

Key words: psychology, biology, mercy, morals, instinct, unconscious, zoopsychology, mind, territory, man.

Стремительное развитие биологии в наши дни делает едва заметной линию, которая отличает человека от животного. Г. Лейбниц, обращаясь к этой теме, отмечал, что для животного мира понятие «поколения» вряд ли уместно. Это слово применительно к истории развития человечества обозначает радикальные особенности, которые присущи особям, вступившим в жизнь после своих родителей. Но ведь очередная смена животных мало чем отличается от предшествующих «поколений». Выходит, психика человека обладает какими-то значительными преимуществами перед животной природой. Это и даёт право человеку рассматривать представителей животного царства как низшее звено эволюции.

Разумеется, в соматическом смысле, отмечал К. Ясперс, человек тоже принадлежит животному миру. У всех живых особей бывают заболевания центральной и периферической нервной системы. В частности, немецкий философ ссылается на работы по исследованию синдромов у кроликов. Существуют такие явления, как лошадиный нор, «гипноз» у животных, не имеющий ничего общего с гипнозом у людей. К. Ясперс называет также панические реакции, свойственные живым тварям. У животных возможны также «симптоматические психозы», вызванные органическими поражениями мозга. У них случаются чувствительные, двигательные нарушения (например, бег по кругу), а также изменения нрава – беспричинная агрессивность, апатия [1, с. 31]. Оказывается, у животных могут возникнуть телесные изменения в результате психических переживаний. Мыши, свиньи, цыплята получают желудочные язвы, инфаркты миокарда из-за сильных воздействий на психику.

Но есть ли у животных психозы? Оказывается, шизофрения и циркулярное расстройство можно обнаружить у людей всех рас, но у животных их нет никогда. Каков же вывод К. Ясперса? Если следовать представлениям о специфической человеческой природе, то человека невозможно сопоставить с животными. Философская антропология указывает на такие свойства человека, как свобода, рефлексия, дух.

Обладали ли приматы зачатками морали? Или можно полагать, что сострадание, милосердие присуще только человеку, поскольку оно связано с его божественным происхождением. Нидерландский и американский учёный-биолог Франс де Вааль издал книгу, в которой раскрывает истоки морали у животных [2]. После знакомства с этой работой,

возникает представление о том, что люди утратили свои привилегии и свою монополию на «человечность».

Будучи атеистом, Франс де Вааль не рассматривает мораль как Божию благодать. Но он не может обойти вопрос о том, какое место занимает религия в основании человеческой культуры в целом. Он показывает, что обезьянам бонобо, которых обычно называли «карликовыми шимпанзе», не присуща агрессия. Они проявляют заботу о больных животных, обнаруживая сострадание, ухаживают за престарелыми особями, спасают друг друга, если кому угрожает опасность. Если кто-то из стаи лишается родителей, его принимает другая семья. Можно полагать, что эти черты поведения обеспечиваются генами, которые передаются из поколения в поколение. Не исключено, что эти привычки вызваны потребностью оказывать взаимные услуги.

Однако Франс де Вааль отвергает такие объяснения. Альтруистическое поведение обезьян, по его мнению, не связано с ответной наградой. Оно рождает удовольствие само по себе. Он не видит разницы между указаниями человеческой нравственности и социальным поведением бонобо. Ч. Дарвин не пытался, как полагает американский учёный, «разводить» в разные стороны взаимопомощь и естественный отбор. Об этом также говорится в книге русского учёного и революционера Петра Кропоткина «Взаимопомощь как фактор эволюции» [3].

Если кардинальное различие в психике животных и людей? Исследователи называют множество таких демаркаций. Достаточно сравнить язык человека и общение животных. Вероятно, живая особь может посылать сигналы своим сородичам. Однако такого рода информация касается только наличной ситуации. Вряд ли представитель животного царства может сообщить информацию, которая касается прошлого. Тем более с помощью «языка» животные не могут оповестить о будущем или передать практический опыт. Но сравнение языка позволяет, судя по всему, говорить и о своеобразии человеческого мышления. Животные пользуются практическим мышлением. Оно сопряжено со сложившимся положением. Обращаясь к собственному уму, животное может, в конечном счёте, разрешить ту или иную практическую задачу. Но оно не способно к абстрактному мышлению.

Люди же разных культур сумели выработать навыки отвлечённого мышления, представить

различные типы рациональности. Человек поступает сознательно, но опирается также и на бессознательное. Ж. Бодрийяр пришёл к убеждению, что у животных нет бессознательного, поскольку они располагают территорией. Казалось бы, причём тут территория? Ведь действия инстинкта относятся к бессознательному. Действие инстинкта вызывает поведение, мотив и цель которого не обладают полной осознанностью. Это отметил ещё в XVIII в. шотландский психолог и философ Т. Рейд. Он писал: «Под инстинктом я подразумеваю природный импульс к некоторым действиям, совершаемым без какой-либо цели, обдумывания или представления о том, что мы делаем» [4, р. 103].

И. Кант тоже рассматривал инстинкт как внутреннюю потребность. «Внутреннее принуждение способности к обладанию этим предметом ещё до того, как его знают, – это инстинкт (как, например, половой инстинкт или побуждение животного к защите своих детенышей и т.п.)» [5, с. 300]. Однако такое определение инстинкта нуждается в уточнении. Уже К.-Г. Юнг заметил его недостаточность. Ведь данное обозначение просто отграничивает его от сознательных процессов, подчеркивая его бессознательность. Однако, по мысли Юнга, если рассматривать бессознательные процессы в целом, то не все из них можно называть инстинктивными. В обыденной речи они, разумеется, не различаются. Если кто-то увидит змею, он может сильно испугаться. Это похоже на то, как пугаются змей обезьяны. В этом смысле данный испуг, подчеркивает Юнг, можно назвать инстинктивным импульсом. Но ведь человек может неожиданно испугаться, увидев, например, курицу. В этих двух случаях механизм страха является неосознанным, но между этими двумя процессами есть различие.

Страх перед змеей К.-Г. Юнг характеризует как процесс, а второй случай – как фобию, а не инстинкт. Инстинктивными могут быть названы только те бессознательные процессы, которые являются унаследованными и возникают единообразно и регулярно [6]. Животное может адаптироваться к внешней среде с помощью инстинкта. Принадлежащая им территория позволяет не испытывать тех трудностей, которые рождают сложные бессознательные процессы.

Но что происходит, если животное лишит территории? По мнению Ж. Бодрийяра, оно приобретает бессознательное, в котором непрерывно проигрывается случившаяся утрата. К примеру, у С. Есенина сказано о корове: «Снятся ей белая

роща и заливные луга...». Животные не обладают речью. Они молчат и не могут сообщить нам о том, что творится в их психике, когда они утрачивают территорию. По мнению французского философа, в своём обращении с животными люди повторяют те же эксперименты, которые проводились в человеческой истории над ними самими. Используя животное в биологическом эксперименте, люди пытаются выведать у них те же самые рефлекторные реакции, которые стремилась прояснить инквизиция, чтобы признать рациональность в её последней инстанции.

Согнанные со своего пространства, по сути дела, утратив его, животные получают глубокие психические травмы. Иначе как объяснить болезненную тревожность у кроликов, которая приводит их к поеданию собственных фекалий. Кролики в этой тревоге теряют даже способность к размножению. Каждая новая особь среди них уже наделена тревожностью и неприспособленностью. Кролики утрачивают способность к преодолению инфекций, становятся жертвами различных паразитов. Естественно, повышается и смертность.

В результате в стаях, в курятниках и свинарниках, всё происходит «как у людей». Если цыплята впадают в истерию, то она захватывает всю группу. Психическое напряжение нарастает и достигает высших границ. Животные поднимают крик, машут крыльями и разбегаются кто куда. Потом наступает относительное спокойствие. Но след психической травмы остаётся. Животные испытывают подавленность, готовые вновь поддаться страху. Поэтому прячутся по углам, теряют голос и падают словно парализованные. Эксперты, наблюдая эти процессы, даже готовы подкормить животных «транквилизаторами». Ну, совсем, как в человеческом общежитии.

Ж. Бодрийяр приводит и другие иллюстрации современной зоопсихологии. Свиньи, которых люди употребляют как пищу, начинают поедать людей. В скоплениях особей наблюдаются своеобразные мазохистские тенденции. Животные сами наносят себе раны, инстинкт самосохранения безмолвствует. Телята облизывают не кормилицу, а всё, что вокруг. При этом в процессе тотального облизывания сами гибнут. Сегодня модно говорить о психических болезнях животных, которые нарушают нормальное развитие. Такие процессы не мог предвидеть К. Ясперс. Ведь, по сути дела, речь идет о том, чтобы зоопсихиатрия заместила зоопсихологию. В ход идут традиционные психологические

рецепты: игра света, транквилизаторы. Но особых достижений не замечено. Животные утрачивают способность опираться на инстинкт и гибнут.

Болезненные процессы коснулись не только отдельных живых особей. Они охватили также системы внутренней организации животных сообществ. Поручены заложенные в инстинкте формы функциональных распределений. Расшатывается иерархия отношений, утрачивается субординация. Ж. Бодрийяр усматривает аналогию с социальными процессами в человеческом сообществе. Демократические порядки, приоритеты равенства и справедливости приносят очевидный вред в племенных скоплениях. А уж в животных группах нарушение символического порядка рождает хаос и замешательство, например, среди птиц. Закрепляется хроническая нестабильность.

Нет сомнений в том, что психологам придется заново толковать психику животных. Новые процессы, зафиксированные исследователями, позволяют думать, что перед ними обнаруживается новое неисследованное научное поле. Сам же Ж. Бодрийяр ещё более радикален. Он распространяет этот тезис также на социологию, на исследование сексуальности. Маячат новые перспективы, новые способы герменевтического осмысления поведения животных. Проблема адаптации людей и животных к существующему порядку оказыва-

ется не только сложной, но и мучительной. Всюду проступают трудности рациональной социализации. Иррациональность обнаруживается во всех сферах жизни. Крах рационализма имеет не только негативные средства. Вторжение иррациональности, бессознательного в толкование общественной жизни закономерно. Но ведь науки о человеке и, в частности, психоанализ никогда не проявились, если бы философы продолжали толковать поведение человека сообразно рациональным моделям.

Если рабочих будут эксплуатировать так, что они станут умирать, если заключённых по-прежнему держать под стражей до конца их жизни, если люди будут откармливать животных ради их смерти, ради пищи для людей, то наступит суровый кризис. Именно потому, что эти процессы продолжают в современном мире внедряться в общественную жизнь, возникает множество неожиданных феноменов, которые захватывают сферу психического, социального, невротического. Опыты с животными проводятся во имя науки. В то же время эти особи стали индустриальным мясом.

Вместе с тем животные стали разговаривать на языке «психов». Невротизация человеческих особей имеет аналоги в животном царстве. Так зоопсихология сближается с социологией. Для животных бессознательное является приобретением, своеобразным пространством утраты инстинктов.

Список литературы:

1. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практикум, 1997. 1053 с.
2. Вааль де Ф. Истоки морали. В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 376 с.
3. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М.: Ред. журн. «Самообразование», 2007. 237 с.
4. Reid Thomas. Essays on the active powers of man. Edinburgh: J. Bell, 1788. 493 p.
5. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч. в 8-и томах. Т. 7. М.: ЧОРО, 1994. С. 137-454.
6. Юнг К.-Г. Инстинкт и бессознательное. (URL: http://royallib.com/read/yung_karl/instinkt_i_bessoznatelnoe.html#0).

References (transliteration):

1. Yaspers K. Obshchaya psikhopatologiya. M.: Praktikum, 1997. 1053 s.
2. Vaal' de F. Istoki morali. V poiskakh chelovecheskogo u primatov. M.: Al'pina non-fikshn, 2014. 376 s.
3. Kropotkin P.A. Vzaimopomoshch' kak faktor evolyutsii. M.: Red. zhurn. «Samoobrazovanie», 2007. 237 s.
4. Reid Thomas. Essays on the active powers of man. Edinburgh: J. Bell, 1788. 493 p.
5. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoi tochki zreniya // Kant I. Sobr. soch. v 8-i tomakh. T. 7. M.: ChORO, 1994. S. 137-454.
6. Yung K.-G. Instinkt i bessoznatel'noe. (URL: http://royallib.com/read/yung_karl/instinkt_i_bessoznatelnoe.html#0).